

ВЪРОУЧЕНІЕ ПСАЛТИРИ,
ЕГО ОСОБЕННОСТИ И ЗНАЧЕНІЕ
ВЪ ОБЩЕЙ СИСТЕМѢ
БИБЛЕЙСКАГО ВЪРОУЧЕНІЯ.

П. Юнгеровъ.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1897.
www.Word-BookShop.narod.ru

Отдѣльный оттискъ изъ журнала „Православный Собесѣдникъ“
за 1895—1897 годы.

ОБЩІЙ ХАРАКТЕРЪ ВѢРОУЧЕНІЯ ПСАЛТИРИ.

Въ западной богословской литературѣ имѣетъ давнюю и значительную разработку наука такъ называемого Библейскаго Богословія. Эта наука принесла значительную пользу и оказала большую услугу для уясненія богословскаго ученія вообще и для догматическаго и нравственнаго богословія въ частности ¹⁾. Научное раскрытіе Библейскаго Богословія полезно и экзегету, при установленіи историческаго пониманія Священнаго Писанія. Оно полезно и апологету, въ опроверженіи разныхъ новыхъ богословско-философскихъ теорій, строяемыхъ нерѣдко лишь на отрывочныхъ библейскихъ текстахъ, чаще всего новозавѣтныхъ, внѣ генетической связи ихъ съ ветхозавѣтнымъ и новозавѣтнымъ общимъ вѣроученіемъ.

Русскими учеными богословами также сознавалась нужда въ спеціальномъ развитіи науки Библейскаго Богословія. Въ Санкт-Петербургской Духовной Академіи, въ 80-хъ годахъ, существовала нѣсколько лѣтъ особая приватъ-доцентура по Библейскому Богословію и принесла, безъ сомнѣнія, значительную пользу. Для русской богословской литературы развитіе этой науки

¹⁾ Литература по вопросу о Библейскомъ, особенно ветхозавѣтномъ, Богословіи, его исторіи и значеніи указана у *Oehler'a*. *Theologie des Alten Testaments*. Tübingen. 1873 г. I, 33—66 ss. *S mend*. *Lehrbuch d. Alttestamentlichen Religionsgeschichte*. Leipzig. 1893, 1—6 ss.

имѣть, кромѣ общецерковнаго, интересъ апологетическій: въ разборѣ новыхъ, модныхъ въ образованномъ русскомъ обществѣ, теорій, въ видѣ толстовщины, и въ полемикѣ съ многочисленными русскими сектантами, въ видѣ штундистовъ, пашковцевъ, молоканъ и под., основывающихъ свое мнимо-истинное ученіе только на Библии и неправильномъ толкованіи отрывочныхъ библейскихъ текстовъ. Общее научное знакомство со всей системой и отдѣльными вопросами чисто библейскаго вѣроученія съ величайшимъ успѣхомъ всякимъ полемистомъ можетъ быть противопоставлено ложнымъ сектантскимъ теоріямъ и толкованіямъ. И въ русской богословской литературѣ существуютъ уже монографіи по вопросамъ библейскаго богословія ¹⁾).

Среди нихъ и предлагаемая статья, надѣмся, будутъ не лишни, особенно въ виду значенія Псалтири для христіанскаго общества. Онѣ представляютъ собою сильный систематическій сводъ вѣроученія Псалтири съ его особенностями, мѣстомъ въ системѣ ветхозавѣтнаго ученія и значеніемъ въ сравненіи съ параллельнымъ ученіемъ другихъ библейскихъ писателей ²⁾).

Объ общемъ отличительномъ характерѣ вѣроученія псалмопѣвцевъ скажемъ лишь въ двухъ-трехъ словахъ слѣдующее ³⁾). Вѣроученіе псалмопѣвцевъ носитъ по преимуществу сердечный и жизненно-задушевный характеръ. По замѣчанію одного западнаго богослова, псалмы заключаютъ въ себѣ „отвѣтъ, даваемый Богу вѣрующимъ сердцемъ человѣка“, отвѣтъ на Божіе по-

¹⁾ Напримѣръ: свящ. *Лебедевъ*. Ветхозавѣтное вѣроученіе во времена патріарховъ. Спб. 1886 г. *Мансветовъ*. Новозавѣтное ученіе о церкви. М. 1879 г. *Юнгеровъ*. Ветхозавѣтное ученіе о загробной жизни. К. 1882 г.

²⁾ Онѣ будутъ продолженіемъ напечатанной въ Православномъ Соборѣ за ноябрь 1894 г. рѣчи: Псалтирь и ея значеніе, въ связи съ заключающимся въ ней вѣроученіемъ.

³⁾ Объ этомъ было достаточно сказано въ вышеупомянутой рѣчи.

печеніе о человѣкѣ ¹⁾). Псалмопѣвцы сами переживали и испытывали спасительное значеніе осуществленія вѣроучительныхъ истинъ въ своей жизни. Они, поэтому, и раскрывали эти истины въ ихъ проявленіи въ жизни каждаго человѣка. Господь Богъ, Творецъ, Промыслитель и Спаситель всѣхъ людей въ псалмахъ преимущественно воспѣвается какъ Творецъ, Промыслитель и Спаситель всякаго человѣка. Псалмопѣвцы, далѣе, изображали свое душевное состояніе подъ вліяніемъ сознанія вѣроучительныхъ истинъ и руководства ими въ своей жизни, а по общности человѣческой природы, и душевное состояніе всякаго вѣрующаго человѣка, руководящагося въ жизни этими истинами. Съ этихъ исключительныхъ точекъ зрѣнія излагаются у псалмопѣвцевъ вѣроучительныя истины. Ихъ же и мы будемъ отгнѣять въ своемъ анализѣ.

Мы остановимся на слѣдующихъ истинахъ: Богопознаніи и его сверхъестественныхъ и естественныхъ средствахъ, ученіи о Богѣ Единомъ и Троичномъ, объ отношеніи Бога къ міру, какъ Творца и Промыслителя, о свойствахъ Божіихъ, проявляющихся въ міропромышленіи: всевѣдѣніи, вездѣсущи, вѣчности, всемогуществѣ, правдѣ, милости, святости; на ученіи о добрыхъ и злыхъ духахъ, о человѣкѣ, его природѣ, о грѣхѣ и спасеніи человѣческаго рода, о смерти и загробной жизни.

Сообразно вышеуказаннымъ особенностямъ вѣроученія псалмопѣвцевъ, мы принуждены отступить нѣсколько въ планѣ и распорядкѣ вопросовъ отъ русскихъ догматическихъ системъ. Такъ, свойства Божіи, разсматриваемыя въ послѣднихъ въ началѣ, въ связи съ ученіемъ о существѣ Бога, мы будемъ обозрѣвать въ связи съ міропромышленіемъ, въ коемъ они проявляются и въ связи съ коимъ раскрываются въ Псалтири.

¹⁾ *Smith*. Das Alte Testament, seine Entstehung und Ueberlieferung. Leipzig. 1894 г. 178 s.

Ученіе о Богѣ.

Остановимся, прежде всего, на средствахъ Богопознанія. Псалмопѣвцы, въ этомъ отношеніи, стоятъ на общей почвѣ ветхозавѣтнаго богословія. Господь Самъ благоволилъ дать людямъ откровеніе о Себѣ и черезъ то указалъ первое и главное средство истиннаго Богопознанія. *Видомъ во Іудеи Богъ, во Израили велѣ имя Его* (LXXV, 1). Согласно свидѣтельству другихъ ветхозавѣтныхъ писателей, псалмопѣвцы признаютъ начало Господнихъ самооткровеній еврейскому народу въ періодъ патріарховъ: Авраама, Исаака, Іакова, а затѣмъ, Моисея и Аарона (СІІ, 7; СІV, 9. 26). Но и въ дальнѣйшей исторіи еврейскаго народа Господь не оставлялъ его безъ Своихъ вразумленій и откровеній: вся исторія Израиля, по взгляду псалмопѣвцевъ, есть исторія Божія самооткровенія. Посему люди, очистившіе свое сердце, способны были видѣть ясно Бога во всей жизни Израиля, съ періода патріарховъ до построенія второго храма и Іерусалима включительно (Пс. 104—105; 126, 1; 131; 133; 135; 146—147). Помимо этого общаго Богооткровенія, благочестивые псалмопѣвцы были увѣрены, что Господь близокъ къ каждому изъ нихъ лично и даетъ Свой откровенія ихъ собственному духу, просвѣщаетъ ихъ умъ, очищаетъ и упокояетъ ихъ сердце (LXXII, CXVIII и др.). Впрочемъ, часто повторяемые свидѣтельства псалмопѣвцевъ о Богооткровеніяхъ имѣютъ въ виду возвѣщеніе не тайнъ Божескаго существа и бытія, а истинъ необходимыхъ для спасенія человѣка и человѣческаго рода. Господь въ Своихъ откровеніяхъ, какъ патріархамъ и вождямъ Израиля, такъ и всему народу возвѣщалъ лишь оправданія и законы Свой (СІV, 45), путь жизни, предохраняющій отъ духовной смерти (XV, 11), путь истины, необходимый для спасенія Израиля (XXIV, 5; XXV, 3), вѣчный путь, недоступный для нечестивыхъ и безбожниковъ (І, 6; CXXXVIII, 24). Господь возвѣщалъ людямъ Свой совѣтъ, но не пре-

вѣчный, а временный (XV, 7; LXXII, 23; CVI, 11), насколько этотъ совѣтъ влекъ за собою лишь обязанности людей и потому тождественъ былъ съ закономъ (XСІІ, 12; XLIX, 16—17; CXVIII, 24). Израиль, обладающій этимъ Богооткровеннымъ закономъ, премудрѣ всѣхъ людей (CXVIII, 98—100) и владѣетъ въ немъ драгоцѣннѣйшимъ и неотъемлемымъ благомъ (XVIII, 11; CXVIII, 14; CXVIII; CXI).

Но кромѣ этого сверхъестественнаго средства Богопознанія, въ псалмахъ, болѣе чѣмъ въ другихъ ветхозавѣтныхъ книгахъ, раскрываются естественныя средства Богопознанія. Такъ: общее содержаніе и отдѣльныя изрѣченія VIII-го, XVIII-го и СІІ-го псалмовъ считаются и въ христіанскомъ богословіи классическими мѣстами для раскрытія и уясненія средствъ естественнаго Богопознанія. Изрѣченія XVIII-го псалма: *небеса повѣдаютъ славу Божию, твореніе же руку Его возвышаетъ твердь* (XVIII, 1), а также подробное поэтическое описаніе жизни всего міра со всѣми его одушевленными и неодушевленными обитателями, исповѣдующими величіе и велелѣпоту Божию, въ СІІ-мъ псалмѣ, извѣстны всѣмъ и всегда будутъ возбуждать въ мыслящихъ людяхъ благоговѣніе и прославленіе всѣхъ Творца и Промыслителя. Проникнутые благоговѣніемъ къ Богу, псалмопѣвцы увѣрены, что и весь міръ, съ его одушевленными и неодушевленными обитателями и явленіями, познаетъ также своего Творца и Промыслителя, и потому торжественно приглашаютъ въ CXLVIII-мъ псалмѣ хвалить Господа: солнце, луну, звѣзды, свѣтъ, змѣй, бездны, огонь, градъ, снѣгъ, вѣтръ, горы, холмы, деревья, звѣрей, скотъ, птицъ и пр. Вся Псалтирь заканчивается (последній стихъ CL-го псалма) словами: *всякое дыханіе да хвалитъ Господа*. Вотъ какъ непрерываемъ и убѣдителенъ для псалмопѣвцевъ былъ голосъ естественнаго Богопознанія, основанный на внимательномъ наблюденіи надъ жизнью всего міра.

Но опять нужно сказать, что какъ сверхъестественныя средства Богопознанія, такъ и естественныя

раскрываютъ и имѣютъ цѣлю, по взгляду псалмопѣвцевъ, раскрыть не тайны Божія существа и бытія, тайны, недоступныя для человѣческаго разума, а Его „дѣла“ въ видимомъ мірѣ. Они лишь внѣ всякаго сомнѣнія поставляютъ ту мысль, что Единный Господь постоянно и премудро управляетъ всѣмъ міромъ. Этотъ міръ безъ личнаго, премудраго, единаго Бога не можетъ существовать ни одного момента. Раскрывая всесторонне и въ высшей степени убѣдительно это положеніе, псалмопѣвцы имѣли цѣлю развить и укрѣпить сердце человѣческое, чтобы оно съ любовью исполняло премудрый законъ Господень. Такъ: и въ XVIII-мъ псалмѣ псалмопѣвецъ внезапно переходитъ отъ описанія промысла Божія о мірѣ къ изображенію совершенствъ Господня закона: непорочнаго, вѣрнаго, свѣтлаго, умудряющаго и просвѣщающаго людей и т. п. (8—15 ст.), и XIX-й псаломъ заканчивается изрѣченіемъ: *азъ возвеселюся о Господѣ, да исчезнутъ грѣшницы и беззаконники съ земли* (35 ст.). Прославляя Господа—Творца и Промыслителя и приглашая къ хвалѣ Его всю тварь, псалмопѣвцы тѣмъ яснѣе и убѣдительнѣе внушаютъ людямъ чувство любви и благоговѣнія къ Богу, чувство, которое должно служить источникомъ нравственно-совершенной жизни, согласно съ совершеннымъ закономъ Божиимъ. Такъ, и изъ общаго, обычно чисто разсудочнаго, изложенія ученія о средствахъ Богопознанія, псалмопѣвцы дѣлаютъ сердечное побужденіе къ высокой нравственной жизни, къ хожденію предъ Богомъ и вѣрѣ въ Его вездѣприсутствіе.

Ученіе о сверхъестественныхъ средствахъ Богопознанія въ псалмахъ ничѣмъ особеннымъ не отличается отъ параллельнаго ему, присущаго всѣмъ ветхозавѣтнымъ писателямъ, ученія. Оно преимущественно основывается на Пятикнижьи, его свидѣтельствахъ о Господнихъ откровеніяхъ Адаму, Ною, Аврааму, Моисею и др. Ученіе о естественныхъ средствахъ Богопознанія, такъ отчетливо сознаваемое и раскрываемое псалмопѣвцами, имѣетъ себѣ лишь нѣкоторые параллели

въ ветхозавѣтныхъ книгахъ. Въ книгѣ Іова есть нѣсколько словъ о томъ, что скотъ, птицы, рыбы и вся земля убѣждаютъ человѣка въ существованіи Бога (XII, 7—9), а особенно выдающіяся силою и великостію существа: крокодилы, бегемоты, левиаѳанъ, страусъ (XXXVIII—XLI гл.) убѣждаютъ человѣка въ существованіи Божественнаго міропромысла. Но доводы книги Іова имѣютъ цѣлю смирить гордый человѣческій разумъ, дерзающій осуждать Божественный Промыселъ, вызываютъ у человѣка сознаніе: *„я отрекаюсь и раскаяюсь въ прахъ и пепелъ“* (XLI, 6). Очевидно, этотъ выводъ рѣзко отличенъ отъ вывода псалмопѣвцевъ. Въ Новомъ Завѣтѣ апостоломъ Павломъ раскрываются естественныя средства Богопознанія, но въ болѣе сжатомъ видѣ и преимущественно разъясняются происхожденіе и характеръ языческаго богопознанія (Дѣян. XVII, 22—29; Рим. I, 20). Такимъ образомъ, раскрытіе у псалмопѣвцевъ естественныхъ средствъ Богопознанія отлично отъ другихъ библейскихъ писателей и имѣетъ существенно важное воспитательное значеніе.

Въ связи съ вопросомъ о Богопознаніи стоитъ у псалмопѣвцевъ ученіе о Богѣ.

Признавая неоспоримымъ и въ высшей степени убѣдительнымъ, даже для неразумной природы, голосъ естественнаго Богопознанія, псалмопѣвцы, понятно, считали немислимымъ и невозможнымъ для человѣка въ здоровомъ умѣ отвергать бытіе Бога. Только безумный можетъ сказать, что *нѣтъ Бога* (XIII, 1). Истина бытія Божія, проникавшая все существо псалмопѣвцевъ, бывшая, можно сказать, ихъ жизнію, не нуждалась, конечно, ни въ какихъ доказательствахъ, и послѣднія, естественно, у нихъ отсутствуютъ.

Согласно общебиблейскому ученію (Быт. XVI, 14; Втор. V, 23; XXXII, 40), псалмопѣвцы признаютъ Бога Существомъ личнымъ и живымъ, источникомъ жизни, къ Коему естественно человѣку обращаться за помощію и подкрѣпленіемъ въ трудныя минуты жизни и смерти

Пс. XXXV, 10; XLI, 3; LXXXIII, 3). На этомъ общебиблейскомъ ученіи не будемъ и останавливаться.

Точно также, обычно помѣняемая въ системахъ ветхозавѣтнаго богословія имена Божія, какъ средства, служащія наилучшимъ выраженіемъ ученія о Богѣ, не нуждаются въ специальномъ обзорѣ, потому что въ Псалтири находятся тѣ же имена Божія, какъ и въ другихъ ветхозавѣтныхъ книгахъ. Можно, пожалуй, замѣтить, что имя: *יְהוָה* — Богъ вышній — въ Псалтири употребляется чаще, чѣмъ въ другихъ ветхозавѣтныхъ книгахъ (23 раза, а въ Пятокн. 5 разъ, у Исаи 3 раза, у Иерем. 2 раза, у Даниила 10 разъ и у Иова 1 разъ). Такое словоупотребленіе свидѣтельствуетъ о значительномъ развитіи у псалмопѣвцевъ ученія о Богѣ премірномъ, духовномъ.

Ученіе Псалтири о духовности Бога также ничѣмъ особеннымъ не отличается отъ ученія другихъ ветхозавѣтныхъ писателей и не требуетъ подробнаго обзрѣнія.

Затѣмъ, первый догматъ ветхозавѣтнаго вѣроученія: истина единства Божія псалмопѣвцами признается несомнѣнною и считается естественнымъ и прямымъ выводомъ, къ которому приводятъ богопознающее созерцаніе міра (Пс. CIII: CXXXV, 7) и исторія Израиля (LXXXV, 10; CXXXV, 4; CXLVIII, 13). Можетъ быть, псалмопѣвцевъ позднѣйшаго періода — ассирійскаго и вавилонскаго плѣна — нерѣдко смущалъ окружавшій языческій политеизмъ, съ представителями его — жрецами, можетъ быть, имъ приходилось вступать въ религіозные споры (срав. Иер. X, 1—16. Посл. Иерем.). Но сохранившаяся въ псалмахъ защита единобожія имѣетъ исключительно иронически-полемиическій характеръ: псалмопѣвцы осмѣиваютъ вѣру язычниковъ въ *нѣмыхъ и безжизненныхъ боговъ-идоловъ, которые имѣютъ глаза, и не видятъ, — уши, и не слышатъ, — языкъ, и не говорятъ, — ноздри, и не обоняютъ. Они — дѣла рукъ человѣческихъ. Подобны же имъ нѣмы и безжизненны да будутъ и всѣ поклонники ихъ* (Пс. CXIII

и CXXXIV). Такъ заканчиваютъ свою рѣчь о языческихъ богахъ псалмопѣвцы и противопоставляютъ язычеству свое единобожіе: *А Богъ нашъ одинъ; Онъ сотворилъ небо и землю по Своей волѣ и пребываетъ на небѣ и на землѣ* (CXIII, 11). Этого сопоставленія, по взгляду псалмопѣвцевъ, было вполне достаточно, чтобы опровергнуть многобожіе и доказать истинность единобожія. Признавая одного Іегову Богомъ живымъ и источникомъ жизни (XXXV, 10; LXXXIII, 3), псалмопѣвцы называютъ языческихъ боговъ *ничтожествомъ* (*יְהוָה* — CXVI, 5 по евр. сч.), *мертвыми* (CV, 28). Къ такимъ богамъ, конечно, глупо обращаться за помощію.

Изъ этого догмата псалмопѣвцы дѣлаютъ утѣшительный для своихъ современниковъ выводъ: *домъ Израилевъ уповаетъ на единого Бога: помощникъ и защитникъ Онъ имъ. Волящіеся Господа уповаютъ на Господа: помощникъ и защитникъ Онъ имъ* и т. д. (CXIII, 17—26). Такъ, въ истинности единобожія и въ ложности многобожія заключался источникъ утѣшенія и успокоенія для плѣннаго Израиля.

Ученіе о единобожіи составляло основной краеугольный камень ветхозавѣтнаго богословія и присуще всѣмъ ветхозавѣтнымъ писателямъ, начиная съ Моисея. Ироническое опроверженіе многобожія занимаетъ не мало мѣста у Исаи (XL, 18—21; XLI, 22—29; XLIV, 9—20), Иереміи (X, 1—16) и въ неканоническихъ книгахъ (Посл. Иерем. и Прем. Сол. XIII—XIV гл.). Подобныхъ псалмопѣвцамъ выводовъ изъ истинности единобожія и ложности многобожія не мало сдѣлано у Исаи, въ примѣненіи ко всему еврейскому народу. Замѣчательно только, что въ Псалтири чаще, чѣмъ въ другихъ книгахъ ветхозавѣтнаго канона, встрѣчается выраженіе: „Единъ Богъ“. Такъ, въ Псалтири оно употребляется 8 разъ (L, 6; LXX, 16; LXXI, 18; LXXXII, 19; LXXXV, 10; CXXXV, 4. 7; CXLVIII, 13), въ Пятокнижій трижды (Втор. VI, 4. 13; XXXII, 12), у Исаи 5 разъ (II, 11. 17; XXXVII, 16. 20; XLIV, 24),

у Сираха—1 разъ (I, 7), также у Даниила (III, 45), у Захаріи (XIV, 9) и Малахіи (II, 10) по одному разу. Такимъ образомъ, языкъ Псалтири можетъ дать богослову наибольшее количество свидѣтельствъ и научнаго матеріала для формулировки ветхозавѣтнаго ученія о единобожіи. Одни только псалмопѣвцы называютъ языческихъ боговъ *мертвыми* (CV, 28).

Дальнѣйшій библейскій догматъ—троичность Лицъ въ Единомъ Богѣ, находимый христіанскими богословами въ прикровенности въ Ветхомъ Завѣтѣ, у псалмопѣвцевъ также прикровенно излагается. Ученіе о второмъ и третьемъ Лицахъ Святой Троицы христіанскіе богословы находятъ въ упоминаніи псалмопѣвцевъ о Словѣ Божіемъ и Духѣ Божіемъ. Псалмопѣвцы вѣрують, что *Слово Господне* *въчю* (CXVIII, 89), и участвовало въ твореніи міра: *Словомъ Господнимъ небеса утвердишася и Духомъ устъ Его вся сила ихъ* (XXXII, 6. 9). Словомъ Господнимъ производятся и дальнѣйшія физическія явленія въ современномъ мірѣ: тепло и холодъ, снѣгъ и морозъ, вѣтеръ. (CXLVII, 7; CXLVIII, 8). Тѣмъ болѣе отъ Него зависятъ жизнь и спасеніе Израиля (CVI, 20) и отдѣльныхъ членовъ его (CXVIII, 50). Оно—предметъ упованія для вѣрующихъ праведниковъ среди всѣхъ невзгодъ и соблазновъ жизни (CXVIII, 74. 81; CXIV; CXLVII). Наконецъ, псалмопѣвцы часто упоминаютъ о томъ, что нечестивые изъ іудеевъ и язычниковъ *преогорчили и преогорчаютъ Слово Господне* (CIV, 21; CVI, 11) ¹⁾.

Вообще, изъ приведенныхъ изрѣченій видно, что псалмопѣвцы были близки къ признанію Слова Божія Существомъ Личнымъ, участвующимъ въ твореніи и промышленіи Господа о мірѣ. Но при изложеніи псаломскаго ученія о Словѣ Божіемъ нельзя не упомя-

нуть о слѣдующихъ изрѣченіяхъ: *помяни словеса Твоя рабу Твоему, иже упованіе далъ ми еси. То мя утѣши во смиреніи моемъ, яко слово Твое живи мя* (CXVIII, 49—50). Здѣсь даваемое человѣку слово Божіе можетъ быть отождествлено съ Священнымъ Писаніемъ, откровеніемъ, закономъ Божіимъ, какъ и называется оно псалмопѣвцемъ въ слѣдующемъ же стихѣ: *горди законопреступоваху до злыи: отъ закона же Твоего не уклонихся* (51 ст., срав. 74. 81 и др. ст.). Съ другой стороны, нельзя опустить слѣдующихъ словъ: *послетъ Слово Свое и истаетъ я, дхнеть духъ Его и потекутъ воды* (CXLVII, 7). Здѣсь слово Божіе можетъ быть отождествлено съ изрѣченіемъ Божіимъ, подобно слову, произносимому человѣкомъ.

Такимъ образомъ, псалмопѣвцы въ ученіи о Словѣ Божіемъ, какъ второмъ Лицѣ Святой Троицы, колебались между личнымъ и безличнымъ представленіемъ о Немъ. Именемъ Слова Божія называли и Божескую Личность, и откровеніе Божіе людямъ, и повелѣніе Божіе.

Аналогичнымъ ученію о Словѣ Божіемъ у псалмопѣвцевъ является ученіе о Духѣ Божіемъ. Такъ же, какъ Слово, и Духъ Божій, по ихъ ученію, участвовалъ въ твореніи міра: *Словомъ Господнимъ небеса утвердишася и Духомъ устъ Его вся сила ихъ* (XXXII, 6). Онъ участвуетъ, преимущественно, въ появленіи на свѣтъ и сохраненіи жизни всего живущаго въ мірѣ: *послещи Духа Твоего, и созиждутся* (CIII, 30). Духу Божію принадлежитъ Божеское вездѣприсутствіе и промышленіе о всемъ существующемъ въ мірѣ (CXXXVIII, 7). Духу Божію псалмопѣвцы приписываютъ благодатное освящающее и спасающее дѣйствіе по отношенію къ членамъ богоизбраннаго народа. При этомъ въ ученіи о Духѣ они раскрываютъ исключительно нравственныя Его свойства и называютъ Его: *святымъ* (L, 13), *правымъ, благимъ* (L, 12; CXLI, 10). Какъ таковой, Духъ Божій утверждаетъ людей въ стремленіи оставить грѣхъ и вести праведную жизнь (L, 14) и наставляетъ

¹⁾ *הָמָרוּ דְּבָרָיו* — слово *הָמָרוּ* можетъ быть понято только въ значеніи: раздражать, огорчать, по аналогіи *הָמָרָה* горечь. Gesenius. Hebr. Handwörterbuch. Leipzig. 1890 г. 598 s.

въ достиженіи земли правды (СХІІ, 10). Въ общемъ же ученіе о Духѣ Божіемъ, какъ и выше сказано, имѣетъ параллель съ ученіемъ о Словѣ Божіемъ: заключаетъ представленіе о личномъ Его существованіи, хотя вполне не проводитъ его, колеблется съ представленіемъ о Немъ, лишь какъ о дыханіи устъ Вседержителя (XXXII, 6).

Объ отношеніи ученія о Словѣ Божіемъ и Духѣ Божіемъ къ предыдущимъ и послѣдующимъ ветхозавѣтнымъ книгамъ должно сказать слѣдующее. Ученіе о Словѣ Божіемъ, какъ о второмъ Лицѣ Святой Троицы, не встрѣчается въ другихъ ветхозавѣтныхъ книгахъ до Іоаннова Логоса. Выраженіе: „слово Господне“ у другихъ ветхозавѣтныхъ писателей исключительно означаетъ откровеніе, повелѣнія Божіи, законы Господни¹⁾. Второе Лице Святой Троицы называется Премудростію. Ангеломъ Іеговы (Прит. VIII, 1—20; Быт. XVIII. Исх. III гл. и мн. др.). Ученіе о Духѣ Божіемъ было присуще еще Моисееву сказанію о міротвореніи (Быт. I, 2), о дальнѣйшемъ существованіи допотопнаго міра (Быт. VI, 3) и позднѣйшемъ періодѣ жизни Израиля, когда Духъ Божій одушевлялъ пророковъ (Чис. XI, 17. 25. XVII, 19), строителей скинии (Исх. XXXI, 1—3. XXXV, 31) и вождей Израиля (Чис. XXIII, 6; XXVII, 18; Втор. XXXIV, 9). У послѣдующихъ священныхъ историковъ Духу Божію усваивается одушевленіе судей (кн. Судей), царей и пророковъ (1 Цар. XVI, 13; 4 Цар. II, 9, 15), просвѣщеніе всего Израиля (Неем. IX, 20—30 - Духъ благій). Въ учительныхъ книгахъ говорится лишь у Іова о Духѣ Божіемъ, научающемъ и вразумляющемъ человѣка (XXXIII, 4; XXVII, 3; XXXII, 8). У пророковъ Онъ упоминается очень часто, какъ источникъ ихъ

¹⁾ Если въ славянскомъ переводѣ у Исаіи V, 24 ст. читается: „раздражиши слово святого Израилева“, то еврейскій текстъ: *יִשְׁמַחַ* значитъ лишь: отвергли, не послушали—ср. Пр. I, 30; V, 12... Gesenius. Ibid. 516 s.

богодуховенныхъ рѣчей и дѣйствій (Ис. XI, 2—3; XLVIII, 16; LXI, 1; Іез. II, 24. VIII, 3. XI, 1. 15....). Въ книгѣ Премудрости Соломона говорится о Духѣ Божіемъ, наполняющемъ вселенную, человѣколюбивомъ, премудромъ (I, 5—7), всѣхъ оживляющемъ и умудряющемъ (XII, 1). Согласно съ псалмопѣвцами ветхозавѣтные священныя писатели болѣе говорятъ о значеніи Духа Божія для людей, проявленіи Его спасительной силы въ исторіи Израиля, чѣмъ о Его существѣ и отношеніи къ Богу Отцу, какъ самостоятельнаго Лица Святой Троицы. Но, очевидно, полное раскрытіе догмата Троичности находится только въ Новомъ Завѣтѣ, а въ Ветхомъ оно было лишь въ сѣняхъ и гаданіяхъ, уступая первое мѣсто догмату единобожія.

Сходствуя въ этомъ общемъ сѣновномъ характерѣ ученія о Лицахъ Святой Троицы съ другими ветхозавѣтными писателями, псалмопѣвцы отличаются нравственными выводами изъ этого ученія. Слово Божіе и Духъ Божій, по ихъ вѣроученію, участвуютъ въ управленіи міромъ, спасеніи Израиля и нравственномъ возрожденіи каждаго человѣка. Они суть предметъ упованія вѣрующаго человѣка, потому что: *Слово Божіе оживляетъ человека* (СХVIII, 50), а *Духъ Божій представляетъ его на правую землю* (СХLII, 10).

Итакъ, ученіе о Богѣ въ Его единствѣ и троичности псалмопѣвцами раскрывается преимущественно постольку, поскольку оно осуществляется въ жизни міра и людей. Поэтому, прямымъ продолженіемъ того же ученія о Богѣ служить въ Псалтири раскрытіе догматовъ о міротвореніи и міропромышленіи, въ коихъ проявляются и всѣ свойства Существа Божія.

Догматъ міротворенія подробно изложенъ, съ перечисленіемъ всѣхъ тварей „премудро“ созданныхъ Богомъ, въ псалмахъ: XXXII, 6—12; CIII; CXLV, 5—6. Въ примѣненіи къ человѣку этотъ догматъ раскрывается въ VIII-мъ псалмѣ; частныя его пункты упоминаются въ пс. XXIII, 1—2; XVIII, 5—6; CXIII, 11; CXXXV, 5.

Псалмопѣвцы останавливаются на слѣдующихъ пунктахъ исторіи міротворенія: твореніи міра единымъ Словомъ Божиимъ (XXXII, 9), основаніи тверди небесной и твореніи неба и земли (CIII, 2—5; CXX, 2. 4. 5), отдѣленіи воды отъ суши (CIII, 9; CXLV, 6), произведеніи травы (CIII, 4), твореніи луны и солнца (CIII, 19), животныхъ, гадовъ, птицъ и рыбъ (CIII, 25—26); на твореніи человѣка (CXXXVIII, 6) и дарованіи ему господства надъ всѣми тварями и высочайшей чести на землѣ (VIII, 6—9). При воспроизведеніи исторіи міротворенія псалмопѣвцы всегда оттъняють проявленіе въ мірозданіи свободной и всемогущей воли Божіей (CXXII, 11) и разума Божія, премудро все сотворившаго (CXXXV, 5 и весь CIII псаломъ).

Раскрытіе догмата о міротвореніи у псалмопѣвцевъ имѣетъ въ своей основѣ сказаніе о томъ же святаго Бытописателя (Быт. I—II гл.) Много между ними сходства и въ частности. Отличіе же заключается въ характерѣ раскрытія этого догмата. Святой Бытописатель, какъ истинный историкъ, излагаетъ лишь факты и событія міротворенія, а псалмопѣвцы излагаютъ свои личныя чувства безпредѣльной благодарности Богу и душевнаго умиленія, возбуждаемыя премудрымъ міротвореніемъ и твореніемъ человѣка. Въ этомъ догматѣ они находили и себѣ и соотечественникамъ своимъ источникъ утѣшенія среди невзгодъ жизни и страданій въ плѣну (CIII, 1; XXXI; XXXIII—XXXV; CXXXV, 2—5) и потому начинаютъ (CIII, 1), продолжаютъ (CIII, 31—34 ст.) и оканчиваютъ (CIII, 35 ст.) его раскрытіе словами: *благослови, душе моя, Господа и исповѣдайтесь Богу небесному* (Пс. CXXXV). У послѣдующихъ ветхозавѣтныхъ писателей этотъ догматъ лишь предполагается или кратко упоминается въ наименованіи Бога Творцомъ міра (Ам. IV, 13; Ис. XLIII, 1; XLIV, 21; XLV, 12; LXVI, 22; Іер. XXXIII, 2). Въ книгѣ Іова (V, 9; IX, 9; XXV, 2; XXXIV, 13; XXXVII, 5, 15; XL, 14) есть нѣкоторыя указанія на отдѣльныя части міротворенія, но лишь съ цѣлю смирить

человѣческую мудрость, какъ „не понимающую“ тайнъ мірозданія. Также и въ Притчахъ (VIII, 23) и у Екклѣзіаста (III, 11. 14; VIII, 3) говорится о міротвореніи, но чтобы смирить человѣческую мудрость, осуетившуюся въ своихъ помышленіяхъ. У псалмопѣвцевъ, наоборотъ, міротвореніе есть источникъ „умудренія“ человѣка созерцаніемъ сотвореннаго. Съ указанной субъективной стороны изложеніе догмата міротворенія отличаетъ псалмопѣвецъ отъ всѣхъ другихъ библейскихъ писателей и составляетъ продолженіе ученія Пятокнижія. Моисей неоднократно замѣчаетъ, что все твореніе до грѣхопаденія было добро зѣло въ очахъ Божіихъ (Быт. I, 4. 8. 10. 12. 18. 21. 25. 31). Псалмопѣвцы видятъ *премудрость* Божію въ сотворенномъ мірѣ и удивляются постоянному ея проявленію въ немъ и послѣ грѣхопаденія человѣка, когда въ первоначальное добро внесено было уже не мало зла и воздыханія (Рим. VIII, 22).

Въ связи съ догматомъ міротворенія у библейскихъ писателей находится догматъ промысленія Божія. Точно также эти догматы раскрываются и у псалмопѣвцевъ.

Выше, при обзорѣ раскрываемыхъ псалмопѣвцами естественныхъ средствъ богопознанія, обращалось вниманіе на то, что, по взгляду псалмопѣвцевъ, только безумные могутъ отвергать бытіе Божіе, а для людей разумныхъ и даже для всѣхъ одушевленныхъ существъ и неодушевленныхъ предметовъ и физическихъ явленій бытіе Бога не подлежитъ сомнѣнію. Такое неоспоримое всеобщее признаніе бытія Божія опирается не на логическихъ или метафизическихъ какихъ-либо выводовъ и доказательствъ, а на очевидности Божественнаго міропромысленія. Божественное міропромысленіе, по ученію псалмопѣвцевъ¹⁾, простирается на каждое отдѣльное явленіе въ мірѣ физическомъ и

¹⁾ Подробно этотъ догматъ изложенъ нами ранѣе въ рѣчи: «Псалтирь и ея значеніе» — Прав. Собес. 1894 г. ноябрь. Здѣсь онъ излагается лишь въ нѣсколькихъ строкахъ.

возбуждаетъ все къ прославленію Бога (СIII; CXVIII, 90—91; CXLIV, 15—16; CXLVI, 7—9). Тѣмъ болѣе оно простирается на всѣ явленія нравственнаго міра и жизни человѣка. Изъ его вліянія не исключается ни одинъ народъ изъ извѣстныхъ евреямъ: Моавъ, Аммонъ, Амаликъ, Египція, Тиръ и Сидонъ, словомъ, всѣ царства земли подчинены Іеговѣ и путямъ Его промысленія (LIX, 10—11; LXXXII, 18; LXXXV, 9; CVII, 10). Тѣмъ болѣе видны слѣды послѣдняго въ жизни еврейскаго народа, во все время его историческаго существованія, обозрѣваемаго псалмопѣвцами, съ періода патріарховъ до возвращенія изъ плѣна и построенія второго храма и Іерусалима включительно (CIV—CVI; CXLVII; XLIII; XLVII). Особенно же съ любовью псалмопѣвцы останавливаются на промысленіи Божиѣмъ о каждомъ вѣрующемъ членѣ богоизбраннаго народа. Псалмопѣвцы высказываютъ увѣренность, отъ лица каждаго вѣрующаго человѣка, что Господь слышитъ всѣ ихъ вопли и вздохи (IX, 33—39), укрываетъ ихъ, какъ зѣницу ока (XVI, 8), и какъ птица, въ тѣни крыль Своихъ (XVI; XXXVIII, 8), ангеламъ Своимъ заповѣдалъ сохранять каждаго изъ нихъ на всѣхъ путяхъ ихъ (XC).

Догматъ промысленія Божія составляетъ неизмѣнную принадлежность вѣроученія всѣхъ библейскихъ писателей. Но преимущественно псалмопѣвцами онъ раскрывается въ примѣненіи къ отдѣльному вѣрующему человѣку и въ высшей степени сердечно и убѣдительно въ девяностомъ псалмѣ. Излагаемое здѣсь псалмопѣвцемъ упованіе каждаго человѣка на промыслъ Божій имѣетъ себѣ параллель лишь въ изрѣченіи Іисуса Христа: *волосъ съ головы вашей не падетъ безъ воли Отца Небеснаго* (Лук. XXI, 18). Несомнѣнно, милліоны людей находили здѣсь себѣ душевный миръ и духовную энергію на жизненную борьбу и страданія.

Какъ по характеру изложенія, такъ и по значенію для іудеевъ и христіанъ, въ ближайшую параллель и внутреннюю тѣсную связь съ догматомъ промысленія

должны быть поставлены, по раскрытію въ псалмахъ, догматы всевѣдѣнія Божія и вездѣсущія. Они составляютъ непосредственное пополненіе и какъ бы разъясненіе къ догмату промысленія.

Изрѣченія псалмопѣвцевъ, раскрывающія эти догматы, такъ рельефны и глубокообъемлющи, что приводятся въ православныхъ катихизисахъ и догматикахъ, какъ преимуществующія, по своей точности и выразительности, предъ всѣми другими соотвѣтственными библейскими изрѣченіями. Таково изрѣченіе: *камо пойду отъ Духа Твоего и отъ лица Твоего камо бѣгу? аще възду на небо, Ты тамо еси: аще сниду во адъ, тамо еси. Аще возму крыль мои рано, и вселюся въ послѣднихъ моря: и тамо бо рука Твоя наставитъ мя и удержитъ мя десница Твоя* (CXXXVIII, 7—10).

Не менѣе типично и рельефно раскрытъ въ томъ же псалмѣ и въ тѣснѣйшей внутренней связи съ догматомъ вездѣсущія догматы всевѣдѣнія Божія. Псаломъ начинается такъ: *Господи! Ты испыталъ меня и знаешь. Ты знаешь, когда я сажусь и встаню; Ты разумѣешь помысленія мои издали. Иду ли я, отдыхаю ли, Ты окружаешь меня, и всѣ пути мои извѣстны Тебѣ. Еще нѣтъ слова на языкъ моемъ, Ты, Господи, знаешь его совершенно.... Тѣмъ не затмитъ отъ Тебя, и ночь свѣтла, какъ день. Не сокрыты были отъ Тебя кости мои, когда я былъ создаемъ въ тайнѣ. Зародыши мой видѣли очи Твои; въ Твоей книгѣ записаны всѣ дни, назначенные мнѣ* (CXXXVIII, 1—5. 12—16)¹⁾. Въ другихъ псал-

¹⁾ Чтеніе 138 псалма по еврейскому тексту и соотвѣтствующимъ ему переводамъ издавна предпочиталось чтенію его по переводу LXX. Такъ, еще І. Златоустъ свое объясненіе на этотъ псаломъ составлялъ по переводамъ, соотвѣтствовавшимъ еврейскому тексту, находя перев. LXX неяснымъ. М. Филаретъ также переводы слав. и LXX считаетъ въ этомъ псалмѣ неясными и предпочитаетъ имъ еврейскій текстъ. По тѣмъ же побужденіямъ и мы здѣсь цитуемъ по рус. переводу, сдѣланному съ евр. текста, вмѣсто неяснаго славянскаго. Тѣми же мотивами вызываются и въ другихъ случаяхъ

махъ замѣчается: *Господь испытуетъ сердца и утробы* (VII, 10; XVI, 3; XXXII, 15). *Въжды его испытываютъ сыновъ человеческихъ* (XVI, 4). *Господь знаетъ мысли человека* (XIII, 11), *тайны сердца его* (XLIII, 29) и *очищаетъ его отъ тайныхъ грѣховныхъ помысловъ и сердечныхъ влеченій* (XVIII, 13—14).

Изъ всѣхъ приведенныхъ изрѣченій видно, что псалмопѣвцы раскрывали догматъ всевѣдѣнія Божія по субъективному его значенію для человѣка. Псалмопѣвцы своимъ ученіемъ внушаютъ человѣку непоколебимую вѣру въ то, что Господь внутреннее настроеніе каждаго человѣка и всѣ шаги его жизни всецѣло и всегда знаетъ. Точно также и вездѣсущіе Божіе раскрываются по значенію его для человѣка: куда бы человѣкъ ни укрылся, онъ долженъ постоянно думать, что Господь всюду находится и, какъ всевѣдущій, всюду и всегда видитъ его и знаетъ. Отсюда уже яснымъ представляется общій характеръ и методъ псалмопѣвцевъ въ раскрытіи этихъ догматовъ. Ими въ совершенствѣ развитъ психологическій — сердечный методъ и способъ раскрытія ихъ и всѣхъ послѣдствій, вытекающихъ изъ нихъ для сердца и жизни человѣка. Въ этихъ догматахъ псалмопѣвцы находили себѣ нравственное успокоеніе. Среди многочисленныхъ страданій и несправедливыхъ гоненій, всѣхъ переменъ въ жизни, критическихъ положеній, псалмопѣвцы были увѣрены, что Господу извѣстны ихъ доброе настроеніе и невинность (VII пс.), а равно и всѣ, до мельчайшихъ подробностей, постигающія ихъ испытанія (CXXXVIII), виновность и злоба ихъ враговъ, и если Господомъ допускаются гоненія и обиды, то, очевидно, съ какою-либо благою цѣлю (CXVIII, 71), хотя пока и недоступною пониманію гонимыхъ. Такъ, не разъ уже упомянутый CXXXVIII псаломъ заканчивается: *Боже, спаси меня и порази*

подобныя отступленія. Срав. М. Филаретъ. Записка о догматическомъ достоинствѣ и охранительномъ употребленіи пер. LXX и славянскаго. Приб. къ Твор. св. отецъ. 1858 г.

нечестиваго! (19—24 ст.). *Да прекратится злоба нечестивыхъ, а праведника, Господи, поддержи, ибо Ты испытующъ сердца и утробы* (VII, 10), говорится въ другомъ псалмѣ.

Этимъ методомъ раскрытія указанныхъ догматовъ псалмопѣвцы отличаются отъ другихъ библейскихъ писателей, касавшихся ихъ. Такъ, вездѣсущіе Божіе раскрываются Соломономъ въ молитвѣ по освященіи храма слѣд. обр.: *Небо и небо небеси не довлеютъ Тебѣ, колыми паче храмъ сей* (3 Цар. VIII, 27). Дословно почти сходно Господь Самъ о Себѣ говорилъ у пророка Іереміи: *небо и землю Азъ наполняю* (Іер. XXIII, 23—25; срав. Ис. LXVI, 1—2). О всевѣдѣніи Божіемъ очень подробно говоритъ Исаія, особенно въ послѣдней части своей книги, гдѣ онъ раскрытіемъ этого догмата посрамляетъ языческихъ боговъ и идоловъ и ихъ чтителей — языческихъ мудрецовъ, и доказываетъ истинность и богооткровенность своихъ пророчествъ. Общая мысль его пророчествъ та, что Господь во всей вселенной пребываетъ (LXVI, 1—2) и всѣ событія въ жизни народовъ Ему вѣдомы и отъ Него зависятъ (XLI, 21—29; XLIII, 9—19; XLIV, 6—28; XLV, 1—6 и др.). Тѣ же мысли потомъ повторяются у другихъ пророковъ: Іереміи (X, 1—16; XII, 13), Іезекіиля (IV; V; XII; XXIV гл.). Общій характеръ пророческаго ученія и цѣль ихъ ученія — доказать міровое значеніе догмата всевѣдѣнія Божія: всѣ событія въ жизни народовъ вѣдомы Господу и, по Его откровенію, истиннымъ пророкамъ, которымъ, посему, должны безпрекословно вѣрить всѣ ихъ слушатели. Пророки предплѣннаго періода давали въ раскрытіи этихъ догматовъ увѣреніе евреямъ періода плѣна, что плѣнъ ихъ есть доказательство не слабости Іеговы предъ языческими богами, а Его правды, карающей грѣшниковъ (Іер. XLVI, 25—28; XLXI, 20; I—LI гл. Іез. XXVI, 1—6; XXVIII, 1—10; XXV—XXVI; XXIX, 6. 18—21). Ученіе же псалмопѣвцевъ даетъ личное успокоеніе каждому человѣку: Богъ видитъ наше внутреннее состоя-

ніе, слышитъ всѣ наши вздохи и слезы, видитъ правоту и неправоту сердечную и мысленную всѣхъ людей. Всѣ слезныя капли человѣка Онъ собираетъ въ Свой сосудъ (Пс. LV, 9).

Въ такомъ жизненно-сердечномъ характерѣ раскрытія этихъ догматовъ, безъ сомнѣнія, заключались и причины вліятельности ихъ на читателей Псалтири, вѣрующихъ іудеевъ и христіанъ. Въ догматахъ всевѣдѣнія и вседѣсуція Божія, въ связи съ міропромышленіемъ, вѣрующіе іудеи и христіане находили себѣ неизсякаемый источникъ духовнаго утѣшенія и ободренія среди страданій и скорбей земной жизни. Но кромѣ того, въ этихъ догматахъ находили себѣ читатели Псалтири и нравственную окрѣпу среди многообразныхъ грѣховныхъ искушеній. Находясь, съ этой стороны, въ положеніяхъ, аналогичныхъ Іосифу (Быт. XXXIX, 7—9), какъ много разъ они вѣрею останавливали въ себѣ дурные порывы и наклонности словами псалмопѣвцевъ: „*камо пойду отъ Духа Твоего*“.... или: „*Ты утѣдѣлъ еси съданіе мое и востаніе мое. Ты разумѣлъ еси помысленія моя издадеца!*“

Въ тѣсной связи съ міропромышленіемъ раскрываются въ псалмахъ и другія свойства существа Божія, даже отвлеченно-метафизическаго характера: вѣчность и всемогущество. Ученіе о вѣчности существа Божія раскрывается псалмопѣвцами въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Такъ, въ СІ-мъ псалмѣ псалмопѣвецъ говоритъ: *въ началѣ Ты, Господи, землю основалъ еси... та погибнутъ, Ты же пребываеши: и вся яко рица обетшуютъ, Ты же тойжеде еси и мѣта Твоя не оскудѣютъ* (26—28 ст.). Въ другомъ псалмѣ говорится: *прежде даже горамъ не быти и создатися земли и вселенный, и отъ вѣка и до вѣка Ты еси. Тысяча лѣтъ предъ очима Твоима яко день вчерашній* (LXXXIX, 2. 5). Подобное же въ псалмѣ IX, 37 ст.: *Господь Царь прежде вѣкъ, во вѣкъ и въ вѣкъ вѣка* (сн. XLVII, 15; LXXIII, 12), *сый прежде вѣкъ* (LIV, 20).

Эти изрѣченія о вѣчности существа Божія могутъ быть поняты, въ системѣ вѣроученія псалмопѣвцевъ, лишь въ контекстѣ приведенныхъ псалмовъ. Такъ, первый изъ приведенныхъ псалмовъ надписывается: *молитва нищаго егда уныетъ* (СІ пс.), и содержитъ въ себѣ, соотвѣтственно этому надписанію, моленіе нищаго: *не возведи мене въ преполовеніе дней моихъ* (25 ст.). А второй (LXXXIX) псаломъ начинается: *Господи прибъжище былъ еси намъ въ родъ и родъ*, и заканчивается: *призри на рабы Твоя... и дѣла рукъ нашихъ исправи*. Изъ представленныхъ, такимъ образомъ, параллелей видно, что псалмопѣвцы ученіе о вѣчности Божіей раскрывали, какъ утѣшеніе „унывающему“ въ опасности смерти праведнику и всему еврейскому народу среди страданій. Такимъ образомъ псалмопѣвцы, признавая вѣчность существа Божія, доказывали чрезъ то вѣчность Его промышленія о еврейскомъ народѣ и каждомъ вѣрующемъ человѣкѣ. Общая мысль и цѣль раскрытія псалмопѣвцами этого догмата можетъ быть выражена въ слѣдующихъ словахъ ихъ: *человѣкъ яко трава, дни его яко цвѣтъ сельный, тако отцвѣтетъ: яко духъ пройде въ немъ, и не будетъ и не познаетъ мѣста своего, милость же Господня отъ вѣка и до вѣка на боящихся Его* (СІ, 15—17 ст.; ср. CXVII и CXXXV). Т. е. скоротечность матеріальнаго міра (СІ, 26—28) и земной человеческой жизни побуждаетъ искать опору для вѣчнаго человеческого духа въ вѣчности Божія существа.

У другихъ ветхозавѣтныхъ писателей вѣчность существа Божія раскрывается въ немногихъ словахъ: *Господь вѣченъ* (Быт. XXII, 33), *царствуетъ вѣчно* (Исх. XV, 13), *живый во вѣки* (Сир. XVIII, 1), *пребывающій во вѣки* (Вар. III, 3), *живу Азъ во вѣки* (Втор. XXXII, 40), *Азъ есмь во вѣкъ* (Ис. XLVIII, 12), *Азъ есмь Сый* (Исх. III, 13). Во всѣхъ мѣстахъ говорится о вѣчности Божіей въ отличіе и противоположность языческимъ богамъ и возбуждается въ народѣ благоговѣніе и непоколебимая вѣра въ Іегову и Его обѣтованія и пророчества (особ. Исх. III, 14; Ис. XLVIII, 12).

Разность между псалмопѣвцами и другими ветхозавѣтными писателями та, что псалмопѣвцы ученіемъ о вѣчности Іеговы укрѣпляютъ вѣру и упованія каждаго человѣка унывающаго, особенно при мысли о смерти и вообще при жизненныхъ страданіяхъ, а другіе писатели укрѣпляютъ вѣру всего еврейскаго народа въ неизмѣнность его спасительнаго призванія.

Псалмопѣвцы очень часто касаются и догмата всемогущества Божія, излагая его съ обычной имъ точки зрѣнія. Когда удивляются всюду господствующей въ мірѣ премудрой промыслительности Божіей, они восклицаютъ: *дивна дѣла Твоя, Господи, вся премудростію сотворилъ еси!* (СН, 24). Когда утѣшаютъ плѣннаго Израиля и посрамляютъ языческія вѣрованія, псалмопѣвцы восклицаютъ: *Богъ нашъ на небеси и на земли, вся елика восхотѣ, сотвори* (СХІІІ, 11). Съ подобными же цѣлями они вспоминаютъ многократныя чудеса, совершенныя всемогущимъ Господомъ для спасенія Израиля (Пс. 104—105). Эти воспоминанія заканчиваются такъ: *спаси ны Боже нашъ и собери ны отъ языкъ* (СV, 47) и: *ниспосла съ высоты и пріятъ мя и избавитъ мя отъ враговъ моихъ сильныхъ* (XVII, 17—18). Общая цѣль и характеръ раскрытія догмата всемогущества Божія—успокоеніе и утѣшеніе страдальцамъ и гонимымъ, будетъ ли то цѣлый народъ еврейскій, или отдѣльный его членъ—вѣрующій праведникъ. Господь всемогущій всегда въ состояніи спасти отъ бѣдствій какъ весь Свой народъ, такъ и каждаго въ отдѣльности праведника, и, если не спасаетъ въ то или другое время, то лишь потому, что находитъ эти опасности и страданія полезными для подвергшихся имъ.

Всемогущество Божіе раскрывается Бытописателемъ въ повѣствованіи о міротвореніи, потопѣ и дѣйствительныхъ чудесахъ. При этомъ онъ, какъ историкъ, лишь излагаетъ факты, изъ коихъ прямо вытекало ученіе о всемогуществѣ Божіемъ. Во Второзаконіи Моисей дѣлаетъ нравственные жизненные выводы изъ чудесъ сорокалѣтняго странствованія, но отличные отъ ученія

псалмопѣвцевъ: онъ имѣетъ при этомъ цѣлю возбудить во всемъ еврейскомъ народѣ любовь и страхъ предъ Богомъ и черезъ то развить охотное исполненіе Божія закона (Вт. I—V гл.). У пророка Исаіи раскрывается ученіе о всемогуществѣ Божіемъ (XL, 12. 22—23. 27—31; XLI, 19—20; XLIII и др. гл.), съ цѣлю, сродною псалмопѣвцамъ,—утѣшить еврейскихъ плѣнниковъ и укрѣпить во всѣхъ читателяхъ и слушателяхъ вѣру во всемогущество Бога. Но, въ отличіе отъ псалмопѣвцевъ, Исаія не касается жизни и настроенія каждой отдѣльной личности, имѣетъ въ виду лишь цѣлый „возлюбленный“ еврейскій народъ, томимый въ оковахъ, темницахъ и подземельяхъ (XLII, 22) и укрѣпленный въ вѣрѣ въ свое избавленіе вѣрою во всемогущаго Бога. Съ другой стороны, нѣсколько разъ встрѣчающееся въ ветхозавѣтныхъ книгахъ, изрѣченіе, точно излагающее догматъ Божественнаго всемогущества: *не изнеможетъ у Бога всякъ глаголъ* (Лук. I, 31), употребляется въ нихъ лишь для обозначенія всемогущества Божія грознаго, смиряющаго, повергающаго въ прахъ безсильнаго и ничтожнаго человѣка (срав. Быт. XVIII, 14; Іов. XLII, 2; Захар. VIII, 6). Совершенно иной выводъ и значеніе, какъ выше было показано, этому пункту вѣроученія придается псалмами.—Такимъ образомъ, ученіе псалмопѣвцевъ о всемогуществѣ Божіемъ, по способу его раскрытія, значительно отличается отъ параллельнаго ученія другихъ библейскихъ писателей и имѣетъ нравственно-жизненное значеніе.

Объединяя доселѣ изложенные пункты вѣроученія псалмопѣвцевъ, можемъ замѣтить, что ими раскрыты, обще съ другими библейскими писателями, сверхъестественныя средства богопознанія, ученіе о единствѣ Божіемъ, о міротвореніи, міропромышленіи, вѣчности и всемогуществѣ Бога—Промыслителя. При раскрытіи этихъ догматовъ, псалмопѣвцами лишь дѣлаются жизненные выводы въ приложеніи къ настроенію и сердечнымъ потребностямъ каждаго вѣрующаго человѣка. Далѣе: ученіе о естественныхъ средствахъ богопозна-

нія, о Словѣ Божіемъ и Духѣ Божіемъ, какъ Лицахъ Святой Троицы, о всевѣдѣніи и вседѣствующи Божія сущности и промышленіи Божіемъ о каждомъ человѣкѣ раскрываются псалмопѣвцами съ болѣею ясностію, чѣмъ другими ветхозавѣтными писателями. Христіанскій богословъ въ этихъ пунктахъ вѣроученія найдетъ себѣ въ Псалтири наибольшее количество руководительныхъ нитей. Но псалмопѣвцы, при раскрытіи всѣхъ обозрѣнныхъ вѣроучительныхъ истинъ, имѣли въ виду главнымъ образомъ удовлетвореніе ими потребностей вѣрующаго сердца, его покой, миръ и радость при всѣхъ жизненныхъ несправедливостяхъ и переворотахъ, и въ этомъ отношеніи ихъ ученіе чрезвычайно вліятельно.

Изъ словоупотребленія псалмопѣвцевъ, по сравненію съ другими ветхозавѣтными писателями, можно дѣлать выводъ, что въ ихъ богопросвѣщенномъ сознаніи съ ученіемъ о Богѣ чаще, чѣмъ у другихъ ветхозавѣтныхъ писателей, соединялась мысль о Его премірности и единствѣ. Эта мысль, безъ сомнѣнія, служила опорой для непоколебимой вѣры въ Господне могущество, несравнимо великое предъ скороисчезающимъ человѣкомъ (СІІ, 17) и всѣмъ матеріальнымъ міромъ (СІ, 26—28).

Теперь рассмотримъ дальнѣйшее ученіе о Богѣ и нравственныхъ свойствахъ Его сущности: правдѣ, истинности, милости, благодати и святости.

Если псалмопѣвцы раскрывали отвлеченно-метафизическія свойства Божіи преимущественно съ субъективно-сердечной точки зрѣнія, по вліянію ихъ на каждого вѣрующаго человѣка, то естественно ожидать еще болѣе примѣненія этого метода и болѣе подробнаго раскрытія въ ихъ богодухновенныхъ гимнахъ нравственныхъ свойствъ сущности Божіи. Здѣсь первое мѣсто должно быть отведено рельефно характеризующей ветхій завѣтъ правдѣ Божіей. Всѣмъ извѣстно классическое изрѣченіе псалмопѣвца: *праведенъ Господь и правду возлюбилъ, правоты видѣлъ лицъ Его* (X, 7 ст.), которое приводится во всѣхъ христіанскихъ учебникахъ

по катихизису и догматикѣ. Болѣе частное раскрытіе правды Божіей псалмопѣвцы начинаютъ съ проявленія ея въ мірѣ: *небеса возвысуютъ правду Божию* (XLIX, 6; XCVI, 6). Правда Божія *пребываетъ въ вѣкъ вѣки* (CX, 3; CXVIII, 142), обитаетъ на небѣ (LXXXIV, 12) и, являясь на землѣ, становится познаваемою *всѣмъ народами* (XCVII, 2) и даже отражается въ жизни неразумныхъ существъ: *правда Твоя яко горы Божія, судьбы Твоя бездна многа: человеки и скоты спасеши* (XXXV, 7). Особенно же она познается Израилемъ, среди коего она проявлялась многократно (XCVIII, 4) въ чудесныхъ событіяхъ его исторіи, въ спасеніи его отъ враговъ (XXI, 32; LXXXVIII, 17; XCVII, 2) и преимущественно въ дарованіи ему совершеннѣйшаго нравственнаго закона, воплощающаго въ себѣ идеальную для ветхозавѣтнаго человѣка *правду* (XVIII, 10; CXVIII, 7. 123. 144). Она познается и лично каждымъ вѣрующимъ членомъ избраннаго народа, и среди него проявлялась она не одинаково по отношенію ко всѣмъ: праведный Господь среди Израиля праведниковъ защищалъ, спасалъ, благословлялъ и возвышалъ, а грѣшниковъ наказывалъ (V, 9; XXX, 2; LXX; CXXVIII, 4). По проявленію правды Божіей въ личной жизни каждого вѣрующаго сына Израиля псалмопѣвцы и раскрываютъ ученіе о правдѣ Божіей. Въ этомъ отношеніи особенно типично употребительное только у псалмопѣвцевъ изрѣченіе: „*Богъ правды моя*“ (IV, 2; VII, 9). Въ этомъ изрѣченіи правда Божія, присущая Богу и проявляющаяся въ жизни всего міра и всѣхъ народовъ, считается какъ-бы личною собственностію праведника-псалмопѣвца и каждого человѣка. Такое вѣрованіе, несомнѣнно, покоилось на глубокомъ жизненномъ опытѣ и объединялось съ другими, выше нами рассмотрѣнными вѣрованіями, преимущественно съ ученіемъ о всевѣдѣніи Божіемъ. Согласно этимъ вѣрованіямъ, псалмопѣвецъ въ 70-мъ псалмѣ подробно излагаетъ свое упованіе на правду Божию: *на Тя Господи уповахъ, да не постыжуся во вѣкъ. Правдою Твоею*

избави мя и изми мя, спаси мя. Буди ми въ Бога Защитителя... и далѣ воспоминаетъ: *уттишилъ мя еси и оживотворилъ, отъ безднъ земли возвелъ мя.* Псаломъ заканчивается такъ: *языкъ мой весь день поучится правдѣ Твоей* (1—2. 20—21. 24 ст.). Проявленіе правды Божіей въ личной жизни псалмопѣвцевъ наполняло отраднымъ чувствомъ ихъ *сердце* (XXXIX, 11), доставляло имъ *радость* (L, 16; CXLIV, 7) и *жизни* (CXVIII, 40).

Такимъ образомъ, на ученіи о правдѣ Божіей отразился общій жизненно-сердечный характеръ вѣроученія псалмопѣвцевъ. Признавая повсюдное и постоянное проявленіе правды Божіей въ жизни міра и людей, псалмопѣвцы подробно раскрываютъ проявленіе ея въ жизни каждого человѣка, радуются постоянному осуществленію ея въ жизни своей и вообще праведниковъ.

Способъ проявленія Божественной правды въ жизни людей псалмопѣвцы выясняютъ въ ученіи о Божіемъ правосудіи. Въ приложеніи къ Богу судъ Его нераздѣлимъ съ правдою и правда Его проявляется въ судѣ Его (XCVIII, 4; CXVIII, 137). Псалмопѣвцы очень часто обращаются къ суду Божію. По ихъ вѣрованію, судъ Божій совершается *ежедневно и постоянно* (VII, 12) и отражается непрерываемо на жизни каждого человѣка: *сего смиряетъ и сего возноситъ* (LXXIV, 8). Въ частности, какъ *испытующій сердца и утробы людей*, Господь есть *Судія праведный, крѣпкій, долготерпѣливый, не гнѣвлющийся на всякій день*. Онъ поэтому оказываетъ помощь правымъ сердцемъ и посылаетъ на нечестивыхъ Свои смертоносныя стрѣлы (7 пс.). Этому-то Судіи и на Его ежедневный судъ псалмопѣвцы представляютъ всѣ свои дѣла, особенно во время гоненій и бѣдствій, а равно и дѣла нечестивыхъ гонителей своихъ, и вѣруютъ въ благопріятный для себя и неблагопріятный для нечестивцевъ приговоръ этого Судіи. При этомъ они вспоминаютъ, что въ прежнее время ихъ гонители погибали съ шумомъ, и объясняютъ ихъ гибель совершеннымъ надъ ними праведнымъ

судомъ Божіимъ. Отсюда прямой выводъ, что и въ новомъ каждомъ аналогичномъ случаѣ Господь также разсудитъ людей и явитъ Себя прибѣжищемъ убогому, помощникомъ въ скорбяхъ, чтобы всѣ знающіе имя Его непоколебимо уповали на Него (VII, 9; IX, 1—11; XXXIV, 23; CXVIII, 84; CXLV, 7). Но псалмопѣвцы не останавливаются только на одномъ частномъ и ежедневномъ судѣ Божіемъ. Вѣра ихъ въ правду Божію простирается и на общую судьбу всѣхъ людей.

Они нерѣдко замѣчаютъ, что праведный Богъ есть *Судія всей земли* (VII, 8—9; XLIX, 1—6; LVII, 12; LXXV, 9—10; LXXXI, 8; XCIII, 2). Они вспоминаютъ, что египетскія казни, гибель враждебныхъ евреямъ языческихъ народовъ, были проявленіемъ *праведнаго суда Божія* (96 пс.). Точно также, какъ въ жизни каждого отдѣльнаго лица, такъ и въ жизни всего избраннаго народа, всѣ современные событія, по взгляду псалмопѣвцевъ, служили проявленіемъ *праведнаго суда Божія* (LVI, 9; IX, 13; LXVII, 6). Это вѣрованіе въ судъ Божій, проявлявшійся и прежде и при псалмопѣвцахъ въ жизни отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ народовъ, вело за собою вѣру *въ будущій всеобщій судъ Господень*. Псалмопѣвцы предъизображаютъ явленіе Господа на всеобщій судъ: небо и земля страшными въ нихъ переменами будутъ какъ бы встрѣчать и привѣтствовать грознаго Судію. Сонмъ небесныхъ воинствъ и сонмъ народовъ на землѣ будутъ окружать Его судебный престолъ, радость и веселіе должны быть присущи сонму праведниковъ — обитателей Сіона, гибель грѣшниковъ будетъ слѣдствіемъ его (Пс. 67; 92; 95—97). Но среди всѣхъ другихъ образовъ псалмопѣвцы чаще всего повторяютъ, что *правда и истина уготованіе престола Его*, что Господь идетъ судить вселенную *по правдѣ и истинѣ* (XCV, 13). Несомнѣнно, въ этихъ послѣднихъ изрѣченіяхъ заключается какъ бы ключъ къ пониманію всего ученія псалмопѣвцевъ о судѣ Божіемъ. Правда, мало выполняемая земными судьями, не всегда осуществляемая въ земной жизни